

УДК 821.161.1

Е. А. Денисова

Новосибирск, Россия

**ДЕТСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ
«ПРЕКРАСНОГО» И «БЕЗОБРАЗНОГО»
В РАССКАЗАХ ТЭФФИ**

Важной частью творчества Тэффи являются рассказы о детях. В статье рассмотрены категории «прекрасного» и «безобразного» в детском восприятии персонажей в творчестве Тэффи на примере рассказов, вошедших в сборники «Неживой зверь» (1916), «Книга Июнь» (1931), «О нежности» (1938), «Земная радуга» (1952). Рассмотрена взаимосвязь рассказов Тэффи о детях с детской литературой Серебряного века. Проанализированы моменты перехода из одной категории в другую в сознании одного персонажа. Рассмотрена реализация мотива внешнего безобразия и внутренней красоты, а также влияние категорий «хороший» / «плохой» на оценку внешних качеств в восприятии ребенка. В статье отображена особая тенденция детского мира Тэффи: оценивать персонажей через сопоставление с животным миром.

Ключевые слова: Тэффи, рассказы о детях, детский мир, восприятие, прекрасное, безобразное.

Тема детства неизменно привлекала русских писателей начиная с XIX века (Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, С. Т. Аксаков, А. П. Чехов, М. Горький, И. А. Бунин, И. С. Шмелев). «В русской литературе первой половины XX века тема детства занимала одно из доминирующих положений» [1, с. 1]. Тема детства была популярной и среди «сатириконцев» (А. Т. Аверченко, Тэффи, Саша Черный, В. В. Князев), во многом это связано с появлением журнала «Галченок» (1911–1913), выходившего под редакцией художника и поэта А. А. Радакова. Это был единственный литературный журнал для детей, в котором отразились основные тенденции и художественные приемы модернизма. «Сотрудники “Галченка” не “совершенствовали” своего читателя. Они его обозначали (гимназист начальных классов) и создавали» [2, с. 26].

Рассказы о детях являются важной частью творчества Тэффи. В этой статье будут рассмотрены произведения Тэффи, вошедшие в сборники рассказов «Неживой зверь» (1916), «Книга Июнь» (1931), «О нежности» (1938), «Земная радуга» (1952). Детские рассказы Тэффи – это рассказы о детях, ориентированные, в первую очередь, на взрослого читателя. Образы детей во многом совпадают

Денисова Екатерина Андреевна – аспирант Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, etak92@mail.ru)

ISSN 2410-7883. Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1. С. 141–147.

© Е. А. Денисова, 2016

Красота и безобразие: метаморфозы тем и мотивов

с традицией, созданной журналом «Галченок». Главным компонентом рассказов будут являться детское восприятие и оценка мира вокруг себя. У детей в рассказах Тэффи есть свои критерии оценки того, что является прекрасным, а что безобразным, плохим или хорошим.

Детское восприятие прекрасного и безобразного противоположно восприятию взрослого персонажа. Примером может стать рассказ «Счастливая», где сюжет основывается на сопоставлении впечатлений шестилетней девочки от проезжающей мимо конки и ее же впечатления от конки, когда она уже стала взрослой женщиной. Для ребенка конка является чем-то прекрасным, а прокатиться на ней – счастье. Начало рассказа строится на контрастах яркой красивой конки и темного мрачного дома в весенних сумерках:

...я вспоминаю мое сегодняшнее дневное впечатление, такое яркое, такое красивое, что забываю сразу и темный дом, и тускло-тоскливую улицу [3, с. 353].

Для ребенка эта красота оказывается невыразимой:

Как расскажешь это все! Можно сказать только: – Лена! Я видела конку! Да и не надо ничего больше. По моему голосу, по моему лицу она поняла всю беспредельную красоту этого виденья [3, с. 353].

Со временем в глазах девочки, которая уже стала взрослой, прекрасная конка превращается в нечто ужасное:

Но вот, дребезжа всем своим существом, подкатила одноклячная конка. Лошадь, белая, тощая, гремела костями и щелкала болтающимися постромками о свою сухую кожу. Зловеще моталась длинная белая морда [3, с. 354].

Описание конки из детских воспоминаний сродни описанию сказочной кареты: белые лошади, кондуктор весь в золоте, который трубил в золотую трубу.

Само солнце звенело в этой трубе и вылетало из нее златозвонкими брызгами [3, с. 353].

Автор описывает конку из воспоминаний взрослой жизни через те же детали, что и в детском воспоминании, но они уже меняют свои характеристики: жуткого вида лошадь, безнадежно-унылый кондуктор, который безнадежно трубит в медный рожок. Кажется, что сказка закончилась вместе с детством. Однако олицетворение солнца сохраняет сказочное настроение повествования:

И больно было в голове от этого резкого медного крика и от палящего солнца, ударявшего злым лучом по завитку трубы [3, с. 354].

Получается, что сказка превращается из прекрасного виденья в ужасное. Окружающая действительность не меняется, меняется его оценка персонажем. В картине мира Тэффи только дети способны видеть прекрасное в повседневном, а повзрослевшая героиня утратила эту способность:

Но где она, та маленькая девочка в большом темном зале, придумавшая для меня это счастье?.. Как страшно, что никогда не найду ее, что нет ее больше, и никогда не будет ее, самой мне родной и близкой, – меня самой [3, с. 354].

В рассказах Тэффи встречается сюжет о любви маленькой девочки к своей безобразной, уродливой игрушке. С одной стороны, этот сюжет отсылает читателя к традиции литературной романтической сказки. С другой – появление игрушки в центре повествования является характерной чертой литературы Серебряного века; в это время возникает особая волна интереса к игрушечному (кукольному) миру. «Особый вид дружбы – дружбы с игрушкой-животным – становится лейтмотивом произведений, в которых игрушка фигурирует как ключевой персонаж» [4, с. 264].

Рассказ «О нежности» поделен на несколько частей с разными сюжетами. Одна из частей посвящена истории двух маленьких сестер. Старшая сестра заметила, что младшая, что-то прячет от нее под кукольным одеяльцем, и, когда та отвлеклась, «...содрала одеяльце и увидела нечто ужасно смешное. Положив голову на подушечку, лежал спеленутый слоник, безобразный, жалкий, носатый» [5, с. 176]. Старшая девочка начинает смеяться над безобразным слоником и над своей сестрой, которая защищает свою игрушку. Повзрослевшая девочка утратила способность видеть прекрасное во всем, но благодаря сестре она вовлекается в игру, в сказку, и это уже оказывается очень болезненным для нее. Старшая сестра как бы проходит процесс инициации, который поэтапно описан в тексте: сначала девочка увидела нечто ужасно смешное, затем ее душа растерялась, стало больно, и, чтобы вырваться из этой муки, она начинает смеяться и кричать, затем жалость сжимает душу, девочка начинает плакать и кричать. Она понимает, что внешние характеристики – условность:

...она защищает своего уродца от меня, большой и сильной, умеющей – она это знает – драться ногами, и сам этот уродец, носатый, невинный, в тряпочном чепчике, – все это такой болью, такой невыносимой, беспредельной, безысходной жалостью сжимает мою маленькую, еще слепую душу, что я хватаю Лену за плечи и начинаю плакать и кричать, кричать, кричать... [5, с. 176].

Процесс инициации, который актуализируется в рассказе «О нежности», сближает персонажей Тэффи со сказочными героями. По замечанию В. В. Мароши, ситуация отношений между слонем и ребенком характерна для русской литературы первой трети XX века, в особенности ситуация отношений слона и девочки. «Эта ситуация архетипична и восходит к процессу приручения и усмирения чудовища “принцессой”...» [6, с. 143]. Сказки имеют назидательный смысл для детей, в рассказах Тэффи дети создают сказку и учат взрослых персонажей видеть прекрасное. Таким образом, через восприятие персонажей-детей видна авторская интенция к читателю.

Подобный сюжет встречается и в рассказе «Неживой зверь», где девочке Кате подарили шерстяного барана: «Катя его любила, и от любви этой делался он с каждым днем грязнее и хохлатее...» [3, с. 296]. Игрушка кажется прекрасной только самой девочке, мама запрещает садить ее за стол, потому что она грязная, подруги кухарки насмеяются над бараном и предлагают отдать его на живодерню. В итоге у девочки забирают игрушку, и крысы раздирают ее на мелкие кусочки.

Сказочный характер повествования в рассказах Тэффи неявный, он просвечивает сквозь образы, которые видят дети в повседневных вещах, и благодаря сюжетным отсылкам к литературной романтической сказке. В каждом рассказе встречается олицетворение как маркер сказочного мира. Однако в сказах есть условно объективная точка зрения повествователя, которая определяет, кто из персонаже прекрасен, а кто безобразен. В рассказах Тэффи основой для фор-

мирования читательского впечатления является точка зрения персонажа-ребенка.

В рассказах Тэффи дети оценивают персонажей через сопоставление с животным миром; как правило, это неодобрительная оценка. Ярким примером этой тенденции может служить одна из частей рассказа «О нежности». Центральным персонажем этой части является сановник, который гуляет со своей собакой. Он очень похож на свою собаку, и его внешность привлекает маленькую девочку:

Его отвислые щеки оттягивали вниз нижние веки, обнаруживая красную полоску под глазным яблоком. Совершенно как у сенбернара... – Ишь, собачища! – сказала раз нянька. – И мы не поняли, о ком она говорит – о сановнике или о его собаке. «Собачища» ему подходило, пожалуй, больше, чем ей [5, с. 181].

Образ сановника у Тэффи, может быть, ассоциируется с гротескным стихотворением-гиньолем П. Потемкина «Сановник и Веселая Девица» из книги «Герань» (1912). Сановник Потемкина, как и персонаж Тэффи, обладает неприглядной внешностью.

Дети в картине мира Тэффи часто оценивают внешность персонажей в категориях «хороший» / «плохой». Сановник в глазах ребенка выглядит «плохим» человеком: у него свирепое лицо, он резко отказал ребенку в просьбе погладить собаку: «точно гавкнула собачище». Такова внешняя характеристика сановника с позиции ребенка, однако автор показывает сановника совсем с иной стороны: когда умирает его собака, он запрещает ее уносить, периодически подходит к ней и целует лапу. Здесь раскрывается другая особенность детского мира Тэффи, дети видят прекрасное, но их оценка поверхностна: они не умеют видеть внутреннюю красоту. Взрослые персонажи, окружающие детей, тоже не видят внутренней красоты, они откровенно насмеяются над поведением сановника и его любовью к своей собаке (и снова возникает потемкинская ассоциация: первая часть стихотворения «Гимназическое» из книги «Смешная любовь» 1908 года).

Многие рассказы Тэффи о детях написаны от первого лица и условно делятся на две части: воспоминания ребенка и художественная рефлексия повзрослевшего персонажа-повествователя над событиями из детства. Повзрослевший повествователь никогда не дает оценки окружающим людям и вещам, он лишь фиксирует события, оставляя читателю право насмеяться или сопереживать таким персонажам, как сановник (исключением становится рассказ «Счастливая», где сопоставляются детские впечатления и впечатления взрослого героя-повествователя).

Можно привести и другие примеры, где дети в картине мира Тэффи оценивают внешность окружающих через сопоставление с животными:

Потом пришел какой-то лысый, бородатый господин и поцеловал у тетки руку.
– Тетя, – спросила Лиза шепотом, – что это за *старая обезьяна* пришла? («Приготовишка») [5, с. 344]¹.

...и вижу щупленького маленького мальчика в матросской курточке и в коротких штанишках с пуговками. Он похож на *воробыша*, у него веснушчатый носик и рыжий хохолок на голове («Брат Сула») [6, с. 317].

Сидел маленький, серенький, – седенький, мохрастый, вертел вострым носиком и ежился. ...все сидел да поглядывал, как *воробей* («Дедушка Леонтий») [5, с. 329].

¹ Здесь и далее в цитатах курсив мой. – Е. Д.

Фишер, черненький, с хохолком, задира, как молодой *петушок*, суетился у стола в столовой («Подземные корни») [6, с. 302].

Часто на сопоставление с животным миром влияют уже не внешние характеристики, а категории «хороший» / «плохой». Например, в рассказе «Неживой зверь»:

Стали приходиться из кухни какие-то бабы с *лисьими мордами*... *лисьи бабы* забрались в детскую, шарили по углам и грозили Кате корявым пальцем [3, с. 297].

Она так противно выговаривала это слово, растягивая рот, и, как *старая кошка*, щерила зубы, что у Кати от отвращения и страха заныло под ложечкой [3, с. 297].

...неожиданно объявился папа. Пришел весь серый, сердитый, борода мохнатая, смотрел исподлобья, *по-козлиному* [3, с. 300].

Такое сопоставление можно заметить и в описании учительницы, которая забрала все игрушки:

Она действительно похожа была на старого умного *цепного пса*, даже около глаз были у нее какие-то желтые подпалины, а голову поворачивала она быстро и прищелкивала при этом зубами, словно муху ловила [3, с. 300].

Или в описании няньки из рассказа «Книга Июнь», которая чуть не замучила девочку до смерти: «...проходившая мимо Варвара, ощерившись как *злая кошка*... глядя Кате в лицо побелевшими глазами...» [5, с. 10].

Кроме детей в рассказах есть еще няньки, самые близкие к детям персонажи, которые также оценивают внешность окружающих через сопоставление с животными: «Пришла твоя учительница, морда как у *собачищи*, будет тебе ужо!» (рассказ «Неживой зверь») [3, с. 300], нянька из рассказа «О нежности» тоже сравнивает сановника с собачищей.

В рассказе «Весна» не совпадают внешняя характеристика, данная автором девочке Лизе, и ее собственное восприятие своей внешности. Лиза бесконечно восхищается своей красотой, крутится перед зеркалом, многократно называя себя красавицей. Автор же описывает девочку через конкретные детали, которые не связаны с понятием «прекрасный»: круглый веснушчатый нос, белокурая кошечка – крысиный хвостик. Лиза украшает волосы бантиком и продолжает собой любоваться, что сопровождается авторской оценкой:

Вид был тот же, что и прежде. Только теперь на конце крысиного хвостика болтался грязный, мятый голубой комок [3, с. 347].

Несовпадение точек зрения рассказчика и персонажа формируют иронический дискурс, который является основой коммуникации с читателем.

Противоположность в характеристиках внешности усиливается с появлением студента Егорова, заметив голубой бантик в волосах Лизы, он оценивает ее вид как очень красивый, повторяя это дважды. При этом внешняя характеристика студента, данная рассказчиком, представляет читателю человека жуткого вида: «Он был вялый, серый, с тусклыми глазами и сальными, прядистыми волосами» [3, с. 348]. Ходил он, «горбясь и кренделяя длинными, развихленными ногами» [3, с. 349]. Лиза после одобрения Егоровым своей «красоты» сразу же в него «влюбляется». Персонажи-дети в рассказах Тэффи субъективны в оценки своей внешности и в оценках внешности окружающих персонажей.

Для сравнения можно привести рассказ «Донжуан», где центральный персонаж – мальчик Володя, как и Лиза, занимается самолюбованием. Однако друг Володи не находит его столь «прекрасным», и, таким образом, его замечания дополняют авторскую позицию.

Особо выделяется рассказ «Кишмиш», где центральным персонажем является маленькая девочка вполне обычной внешности: «... маленький рост, маленький нос, маленькие руки» [7, с. 38], худенькая, белобрысая, стриженная девочка. Девочка мечтает стать разбойником или палачом, и «... ужасной уродиной, не просто уродиной, а такой, чтобы люди пугались. Она подходила к зеркалу, скашивала глаза, растягивала рот и высовывала язык набок» [7, с. 38]. Со временем мечта девочки меняется, она хочет стать святой: «Быть святой – это так красиво, так нежно» [7, с. 39].

В рассказе «Кишмиш» в полной мере раскрывается характерная черта рассказов Тэффи: детское восприятие «прекрасного» и «безобразного» тесно связано с категориями «хороший» / «плохой». Девочка мечтает быть разбойником и хочет стать уродиной – если разбойник пугает людей, то он должен быть пугающим и внешне. Святой, раз он хороший, по мнению девочки, должен быть внешне прекрасным.

Дети в рассказах Тэффи в своем восприятии гиперболизируют образы окружающих персонажей, воспринимая их как чудовищ:

Прислуживавшая за столом огромная девка с черными усами похожа была на солдата, напялившего женскую кофту. Катя с изумлением узнала, что этому чудовищу всего восемнадцать (рассказ «Книга Июнь») [5, с. 8].

Гиперболизация образа происходит и в рассказе «Брат Сула». В основе сюжета – обманутое ожидание двух сестер, которым мальчик Петя рассказывал о «суперспособностях» своего брата Шуры, поэтому девочки утрируют его образ и ожидают увидеть какого-нибудь монстра или чудовище. Однако Шура оказывается совсем непохожим на монстра:

Если бы мы увидели какое-нибудь чудовище, Вия, слона с львиной гривой – мы бы меньше растерялись. К чудовищу мы внутренне были подготовлены. Но этот рыженький воробейныш в коротких штанишках... Мы глядели на него в ужасе, как на оборотня [5, с. 317].

Благодаря тому, что все образы в рассказах Тэффи гиперболизированы или созданы через сравнение с животным, они напоминают шаржевые зарисовки более, чем портреты, основанные на реалистическом правдоподобии. Это – характерная особенность творчества Тэффи в целом, так как изначально она писала свои произведения в художественно-публицистическом жанре фельетона, где важно компактно создать запоминающийся образ.

Таким образом, основой всех сюжетов в рассказах Тэффи является детское восприятие «прекрасного» и «безобразного», что поддерживается сюжетными элементами сказочного повествования. Персонажи-дети выполняют определенные функции: через их восприятие шаржевые персонажи органически вписываются в текст повествования и становятся важным элементом построения иронического дискурса.

Список литературы

1. *Коротких А. В.* Детские образы в юмористической прозе Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

Денисова Е. А. Детское восприятие «прекрасного» и «безобразного»

2. Головин В. В. Журнал «Галченок» (1911–1913) как литературный эксперимент // Детские чтения. СПб.: Кабинетный ученый, 2014. Вып. 6.
3. Тэффи Н. А. Собр. соч.: В 5 т. / Сост. И. Владимиров. М.: Книжный клуб «Книгобек», 2011. Т. 2: Карусель; Дым без огня; Неживой зверь: Сборники рассказов.
4. Миронов А. Жизнь замечательных игрушек: трансформация образов животных в российской литературе // Детские чтения. СПб.: Кабинетный ученый, 2013. Вып. 3.
5. Тэффи Н. А. Собр. соч.: В 5 т. / Сост. И. Владимиров. М.: Книжный клуб «Книгобек», 2011. Т. 4: Книга июнь; О нежности: Сборники рассказов.
6. Мароши В. Слон и ребенок в русской литературе первой трети XX в. // Детские чтения. СПб.: Кабинетный ученый, 2015. Вып. 7.
7. Тэффи Н. А. Собр. соч.: В 5 т. / Сост. И. Владимиров. М.: Книжный клуб «Книгобек», 2011. Т. 5: Земная радуга: Сборники рассказов.

E. A. Denisova

Novosibirsk, Russian Federation

CHILDREN'S PERCEPTION OF «BEAUTIFUL» AND «UGLY» IN THE TEFFI'S STORIES

Summary: An important part of Teffi's creativity are stories about children. This article will address the category «beautiful» and «ugly» in the children's perception of the characters in the Teffi's creativity in the stories from the collections «The Lifeless Beast» (1916), «The Book of June» (1931), «About Tenderness» (1938) «The Earth's Rainbow» (1952). It discusses the relationship of Teffi's stories about children with children's literature of the Silver Age. It analyzes the moments of transition from one category to another in the mind of one character. It considers the implementation of the motive of the outward ugly and inner beauty, and influence of the categories of «good» / «bad» on the assessment of outward qualities in a child's perception. The article shows a special trend of children's world in Teffi's stories to evaluate the characters through comparison with the animal world.

Keywords: Teffi, stories about children, children's world, perception, beautiful, ugly.

Denisova Ekaterina A. – Graduate Student of Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (8 Nikolayev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation, etak92@mail.ru)